

В. ВОДОВОЗОВЪ.

ОПБ

~~002~~

~~Bo-52~~

75

702.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
Г. ТАРЛЕ
ПО
СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ АНГЛІИ.

Е. В. ТАРЛЕ. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Спб., 1901.

(Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Народное Хозяйство», кн. X, 1901 г.).

№ 24878.

1073

002

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1901.

Н43

T32 267

В. ВОДОВОЗОВЪ.

75
702.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
Г. ТАРЛЕ
ПО
СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ АНГЛІИ.

Е. В. ТАРЛЕ. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Спб., 1901.

(Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Народное Хозяйство», кн. X., 1901 г.).

№24878.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1901.

НОВОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ
ПО СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ АНГЛІИ.

Е. В. Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Приложенія: I. Переводъ „Утопіи“ съ латинскаго. II. Неизданная рукопись современника о Томасѣ Морѣ. Изданіе редакціи журнала „Міръ Божій“. Спб. 1901. VI+225+127 стр. Цѣна 1 р. 50 к. ¹⁾.

Знаменитый романъ Т. Мора, изображающій счастливую жизнь на островѣ „Утопія“, давшемъ свое имя всѣмъ позднѣйшимъ и болѣе раннимъ утопіямъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ произведеній эпохи гуманизма, которыя, переживъ уже четыре столѣтія, все еще возбуждаютъ умъ всякаго читателя, все еще вызываютъ глубокій интересъ къ себѣ и къ автору. Но, несмотря на тридцатилѣтнее обученіе нашего юношества въ классическихъ гимназіяхъ, лишь очень и очень немногіе могутъ читать подобныя произведенія въ оригиналѣ (на латинскомъ языкѣ); классическая школа не воспитала даже достаточнаго числа хорошихъ переводчиковъ съ древнихъ языковъ, и величайшія произведенія классической древности и средневѣковья ждутъ еще у насъ своихъ истолкователей. Поэтому можно только поставить въ заслугу г. Тарле попытку подвергнуть Утопію научному анализу и привести ее въ связь съ экономическимъ состояніемъ эпохи. Быть

¹⁾ Въ „Народномъ Хозяйствѣ“ кв. VI была помѣщена рецензія на книгу г. Тарле, гдѣ авторъ, принявъ на вѣру „переводъ съ латинскаго“ г. Тарле и проч., далъ весьма благопріятный отзывъ объ этой книгѣ. Въ интересахъ науки считаемъ существеннымъ татъ мѣсто и статьѣ г. Водовозова. Ред.

можетъ еще большей заслугой является его рѣшимость подарить читающей публикѣ давно желательный русскій переводъ этого произведенія. Переводъ г. Тарле, приложенный къ его изслѣдованію о Т. Морѣ, исполненъ, какъ это обязательно для всякаго порядочнаго перевода, съ подлинника, т.-е. съ латинскаго языка, и именно „съ лучшаго изданія Утопіи въ настоящее время, съ перепечатки editionis principis“ подъ редакціей Михельса, съ предисловіемъ Т. Циглера (Берлинъ 1895 г.). Такъ заявляетъ г. Тарле на стр. IV своего предисловія. Это исполненіе имъ элементарной обязанности добросовѣстнаго переводчика онъ подчеркиваетъ еще нѣсколько разъ (напр., на стр. 1 своего перевода); окончательно долженъ убѣдить читателя тотъ фактъ, что въ очень многихъ мѣстахъ перевода г. Тарле ставитъ въ скобкахъ латинскія выраженія, обыкновенно даже тамъ, гдѣ въ этомъ не чувствуется ни малѣйшей надобности ¹⁾. Все это свидѣлствуетъ о крайней добросовѣстности и осторожности переводчика.

Однако, на первыхъ же страницахъ перевода мы натываемся на такое мѣсто: Гитлодей (герой повѣсти Мора, рассказывающій ему объ островѣ Утопія) посѣтилъ только-что открытую Америку вмѣстѣ съ ея извѣстнымъ изслѣдователемъ Америго Веспуччи и, желая лучше ознакомиться съ нею, „исторгъ наконецъ у Америго позволеніе остаться въ числѣ 24 человѣкъ, которые оставались для изслѣдованія границъ Новой Кастиліи“ (стр. 9). Невольно возникаетъ вопросъ: что это за Новая Кастилія? Мы знаемъ Новую Кастилію въ Испаніи, родину Донъ Кихота, но рѣчь, очевидно, идетъ не о ней; мы знаемъ также Новую Кастилію въ Южной Америкѣ; такъ называлось прежде Перу. Но ни Т. Моръ въ моментъ выхода Утопіи (1516), ни тѣмъ паче Гитлодей ничего не могли знать о ней, такъ какъ Перу открыто значительно позднѣе (1524), а имя Новой Кастиліи получило впервые лишь въ 1534 г. Обращаемся къ подлиннику. Въ соотвѣтственномъ мѣстѣ въ немъ находимъ: „extorsit ab Americo, ut ipse in his XXIV esset, qui ad fines postremae navigationis in Castello relinquebantur“. Какимъ образомъ выраженіе in Castello, т.-е. въ крѣпостцѣ, г. Тарле перевелъ именемъ Кастиліи, да еще Новой? Откуда онъ взялъ также, что Америго оставлялъ этихъ 24 людей „для изслѣдованія границъ“, когда извѣстно только, что онъ оставилъ ихъ „подъ конецъ своего послѣдняго путешествія“? Какимъ образомъ г. Тарле могъ сдѣлать такую ошибку, когда въ нѣмецкомъ предисловіи къ

¹⁾ Такъ напр., выраженіе eodem modo очевидно вполне покрывается выраженіемъ „такимъ же образомъ“ (стр. 24); „уже одно это размышленіе“ вполне соотвѣтствуетъ „hac una cogitatione“ (24), какъ „sancti viri“ — „святымъ мужамъ“ (19), или „haud scio“ — выраженію „не могу рѣшить“ (7); однако г. Тарле считаетъ нужнымъ отмѣтить свое колебаніе въ переводѣ этихъ выраженій.

латинскому изданію Утопіи, съ котораго онъ, по его словамъ, переводилъ, именно разъясняется это мѣсто и указывается фактъ, что Америго дѣйствительно оставилъ 24 человекъ въ построенной имъ крѣпостцѣ, которая должна была находиться въ Бразиліи (стр. XI)?

Только что мы выѣзжаемъ изъ Новой Кастиліи, какъ попадаемъ въ Калькутту (стр. 9 перевода г. Тарле). Но вѣдь Калькутта возникла впервые черезъ полтора столѣтія послѣ смерти Т. Мора; какимъ образомъ его герой могъ побывать въ этомъ городѣ? Обращаемся къ подлиннику и находимъ тамъ Каликутъ, и нынѣ еще существующій большой городъ на югѣ Индостана, хорошо извѣстный со времени Васко-де-Гамы (съ 1498 г.) всему образованному міру, слѣдовательно и Т. Морю.

На стр. 76 мы находимъ: „Они (утопійцы) не изобрѣли ни одного правила касательно сокращеній, амплификацій и метафоръ,... преподаваемыхъ нашимъ мальчикамъ въ первоначальныхъ логическихъ школахъ“. Что это за логическія школы, да еще первоначальныя? Неужели въ Англіи въ эпоху Мора были высшія и низшія логическія школы? Разумѣется нѣтъ. Въ подлинникѣ идетъ рѣчь о *Præva Logicalia*, т.-е. о частныхъ логическихъ изслѣдованіяхъ, составлявшихъ особую главу во многихъ средневѣковыхъ учебникахъ логики и въ частности въ книгѣ Петра Испанскаго (папы Іоанна XXI), которую имѣлъ въ виду Т. Моръ. Въ этой главѣ какъ разъ идетъ рѣчь „*de terminorum proprietatibus*“, въ частности о *restrictio*, *amplificatio* и *suppositio*. Далѣе. Почему амплификація оставлена безъ перевода, тогда какъ *restrictio* переведена, и притомъ переведена невѣрно „сокращеніемъ“? Слѣдовало сказать: „ограниченіе и расширеніе“; такая терминологія уже установилась; она совершенно правильна и удобопонятна ¹⁾.

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, если я скажу сначала: „переводчики обыкновенно не знаютъ языка, съ котораго переводятъ“, а потомъ прибавлю: „плохіе переводчики“, то я этимъ не сокращу, а ограничу понятіе переводчикъ; терминъ *restrictio* имѣетъ въ виду именно такія ограниченія объема понятій. Мы не считаемъ г. Тарле безусловно обязаннымъ знать философскую терминологию, хотя во всякомъ случаѣ такое знаніе — не лишнее для изслѣдователя общественныхъ и философскихъ воззрѣній Мора, но ему слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ заглянуть въ словари, въ которыхъ этотъ терминъ всегда, насколько намъ извѣстно, переводится терминомъ „ограниченіе“ (см. англ. словарь Александра, франц. Макарова и др.). Точно также онъ долженъ былъ бы обратиться къ комментаріямъ къ лучшимъ изданіямъ Утопіи, напр. къ изданію Лептона (*The Utopia of Sir Th. More in latin and in english with notes by Lupton. Oxford 1895*), цѣнному какъ по тщательной провѣркѣ текста, такъ и по комментаріямъ, значительно превосходящему своими достоинствами изд. Михельса, или же къ болѣе добросовѣстнымъ переводамъ (напр. къ недурному вѣмецкому переводу: *Th. Morus. Utopia. Uebersetzt u. mit sachlichen Anmerkungen versehen von Dr. I. Wessely, München 1896*). Оттуда г. Тарле могъ бы узнать,

„Не заняты они (утопійцы) также изслѣдованіемъ вторичныхъ идей“ (76). Что это за вторичныя идеи? Въ подлинникѣ рѣчь идетъ объ общихъ идеяхъ (или понятіяхъ). Не понявъ латинскаго термина, г. Тарле выдумалъ свой, обнаруживая имъ весьма смутное знакомство съ логикой ¹⁾.

На стр. 85 мы узнаемъ, что въ Утопіи греческій языкъ изучали „наиболѣе даровитые и зрѣлые годами школяры“... Такимъ выраженіемъ г. Тарле придаетъ совершенно неправильный тонъ всему соотвѣтственному мѣсту; у Мора рѣчь идетъ о *scholastici*, т.-е. объ изучающихъ науки вообще; правильнѣе было бы перевести: студенты или даже ученые ²⁾.

На стр. 8 мы находимъ „Петра Эгидія, оживленно разговаривающаго“. Къ этому переводу г. Тарле, вопреки своему обыкновенію отмѣчать латинскія выраженія лишь тамъ, гдѣ его переводъ безспоренъ, неосторожно прибавляетъ въ скобкахъ: „*forte conloquentem*“; но вѣдь *forte* значитъ по латыни случайно; тутъ слѣдовало сказать: „Эгидія, случайно разговаривавшаго“, или „какъ разъ разговаривавшаго“; г. Тарле, повидимому, припаялъ латинское *forte* за итальянское слово, хорошо извѣстное въ качествѣ музыкальнаго термина (*forte* и *riano*). На стр. 48 мы читаемъ: „островъ утопійцевъ въ средней и самой широкой своей части имѣетъ 200 тыс. футовъ и сохраняетъ эту ширину почти на всемъ своемъ протяженіи... Площадь поверхности равна 500 миль“. Ниже (52) указывается, что рѣка, орошающая островъ, имѣетъ 140 миль протяженія. Спрашивается, какъ на немъ, при длинѣ въ 200 тыс. футовъ (слѣд. 40 миль) и слѣдовательно при ширинѣ не болѣе 15 миль, умѣщается рѣка въ 140 миль длиною? Или можетъ быть на островѣ Утопія (т.-е. на островѣ „Нигдѣ“) не имѣютъ примѣненія законы геометріи? Если мы обратимся къ подлиннику (стр. 43) ³⁾, то найдемъ, что рѣчь идетъ не о „площади поверх-

что самъ Моръ въ одномъ своемъ письмѣ указываетъ на книгу П. Испанскаго и замѣчаетъ, что соотвѣтственная глава называется *Parva logicalia* потому, что въ ней „мало логики“. Ничего этого не зная, г. Тарле обратилъ главу изъ учебника логики въ первоначальныя логическія школы.

¹⁾ Въ 1-мъ изд. Утопіи (1516) стоитъ *secundae intensiones*; но такого термина въ философской литературѣ вовсе нѣтъ; въ изд. 1518, которое вообще лучше 1-го, стоитъ *secundae intentiones*, — общія идеи. См. изд. Михельса, стр. LXIII, также Лептона, стр. 185, гдѣ этотъ терминъ подробно разъясненъ. Словомъ „вторичный“ нельзя переводить латинскаго *secundus*, ему соотвѣтствуетъ терминъ *secundarius*.

²⁾ Циглеръ (XXIX) слово *scholasticus* переводитъ словомъ „студентъ“, д-ръ Веселый (стр. 119) — „ученый“ (*d. Gelehrte*).

³⁾ Страницы подлинника Утопіи вездѣ указываются нами по изданію Михельса и Циглера, кромѣ случаевъ, гдѣ специально указано изд. Лептона.

ности“, а объ окружности (*circumducti circino ambitu*) острова, и не о футахъ, а о шагахъ (*passus*), рядомъ съ которыми Моръ принимаетъ какъ мѣру длины и футъ (*pes*), когда говоритъ о ширинѣ рѣки¹⁾.

Подобными примѣрами можно было бы наполнить замѣтку до безконечности; во всей Утопіи г. Тарле нѣтъ ни одной страницы, на которой нельзя было бы отмѣтить подобныхъ грубыхъ ошибокъ. Весь духъ, весь тонъ Утопіи является искаженнымъ до неузнаваемости. Все, что говорится на стр. 89 перевода о господствующемъ на островѣ Утопія способѣ выбора мужьями женъ и женами мужей, совершенно не соотвѣтствуетъ идеямъ Мора. По мнѣнію г. Тарле, основанному на его пониманіи латинскаго текста и изложенному имъ также въ текстѣ его диссертациі (196), Т. Моръ возстаетъ противъ „сватовской недобросовѣстности, игравшей большую роль въ домашнемъ быту Англіи“, „противъ обманнаго выдаванія замужъ дѣвушекъ, обездоленныхъ природою“. Въ дѣйствительности же протестъ Т. Мора гораздо шире: онъ возмущается вообще противъ средневѣковаго аскетизма и ратуетъ за права здоровой чувственности. Читатель, даже плохо понимающій латинскій текстъ, могъ бы узнать объ этомъ изъ любого хорошаго перевода или изъ нѣмецкаго предисловія Циглера (стр. XXXIII), не говоря уже о всей литературѣ англійской и нѣмецкой, посвященной Т. Морю. Все, что говорится о различныхъ видахъ наслажденій (стр. 83 перевода), помимо совершенно произвольнаго опущенія нѣсколькихъ фразъ Мора, представляетъ путаницу, въ которой Моръ совершенно неповиненъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, читателю стоитъ сличить 83 стр. перевода г. Тарле съ 75 стр. подлинника или 108 нѣмецкаго перевода д-ра Веселаго. Но по всему видно, что г. Тарле не знаетъ о существованіи этого перевода, какъ онъ не знаетъ о прекрасномъ изданіи подлинника съ прекрасными комментаріями Лептона²⁾. Если бы онъ зналъ ихъ, то онъ не сдѣлалъ бы многихъ изъ перечисленныхъ ошибокъ.

¹⁾ Шагъ = 5 футамъ; миль у Мора вовсе нѣтъ, а есть *milia passuum*, тысячи шаговъ. О-въ Утопія въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ 200,000 шаговъ, окружность его = 500,000 шаговъ, рѣка Анидръ течетъ на протяженіи 140,000 шаговъ. Тысячи шаговъ можно еще, пожалуй, переводить милями, но шаги футами—никакъ нельзя.

²⁾ Мы не считаемъ нужнымъ отмѣчать въ текстѣ такихъ недостатковъ работы г. Тарле, какъ переводъ слова *civitas* и слова *urbs* одинаково словомъ городъ, хотя этимъ искажается характеръ государственнаго строя Утопіи, являющейся федераціей изъ большого числа государствъ (*civitates*), изъ которыхъ каждое состоитъ изъ города (*urbs*) и поселковъ. Не отмѣчаемъ мы этого потому, что въ данномъ случаѣ то же самое дѣлаютъ и многіе серьезные и добросовѣстные изслѣдователи Мора. Во всякомъ случаѣ тутъ можно защищать и переводъ г. Тарле, хотя защита врядъ ли будетъ основательной.

Но этого мало. Тѣ мѣста, которыя г. Тарле совсѣмъ не понималъ, онъ просто выкидывалъ. Почти на каждой страницѣ можно указать по нѣскольку цѣлыхъ фразъ подлинника, которыя отсутствуютъ въ переводѣ г. Тарле, а въ двухъ мѣстахъ (стр. 83 и 84) прямо выкинуты по полторы—двѣ страницы подлинника (стр. 75—76 и 77—79 изданія Михельса), на которыхъ говорится о здоровьѣ, какъ вышемъ благѣ; страницы—чрезвычайно важныя для пониманія философскаго направленія Мора. Такое упущеніе со стороны переводчика можетъ показаться читателю невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе оно имѣется на лицо.

Откуда же, однако, г. Тарле взялъ такіе перлы своего перевода, какъ Новую Кастилію, Калькутту, вторичныя идеи, первоначальныя логическія школы и т. п.? Выдумалъ ли онъ ихъ самъ или введенъ кѣмъ-нибудь въ заблужденіе?

Возьмемъ лучшую до сихъ поръ работу о Морѣ Карла Каутскаго ¹⁾ и развернемъ ее на главѣ, посвященной „изданіямъ и переводамъ Утопіи“. Тутъ мы находимъ: „Г. Коте (нѣмецкій переводчикъ Утопіи, переводъ котораго помѣщенъ въ извѣстной Рекламовой Universalbibliothek), какъ кажется, не имѣетъ даже и представленія о томъ, на какомъ языкѣ написана Утопія, такъ какъ онъ переводилъ ее несомнѣнно съ французскаго... Мы имѣемъ всѣ основанія принимать, что французъ пользовался не латинскимъ оригиналомъ, а англійскимъ переводомъ Бернета... Моръ сообщаетъ объ одной крѣпости, въ которой остались нѣкоторые спутники Америкы на берегу Бразиліи. Бернетъ перевелъ castellum—Новой Кастиліей, и какъ разъ тотъ же самый курьезъ мы находимъ и у Коте... Въ латинскомъ оригиналѣ говорится о Каликутѣ, индійскомъ городѣ, который во времена Мора велъ главную торговлю съ Европой. Г. Коте ничего не слыхалъ объ этомъ городѣ и потому, не задумываясь, превращаетъ его въ Калькутту“ (стр. 256—258). Эти слова разъясняютъ намъ многое. Оказывается, и Новую Кастилію, и Калькутту,—двѣ, хотя и не самыя грубыя, но довольно характерныя ошибки, г. Тарле заимствовалъ изъ Рекламовскаго изданія Утопіи, совершенная безграмотность котораго давнымъ давно указана въ литературѣ. Но не только эти двѣ. „Вторичныя идеи“ встрѣчаются тоже въ нѣмецкомъ переводѣ Коте; тамъ же мы находимъ и логическія школы, впрочемъ въ видѣ логическихъ аудиторій (Hörsäle der Logik) ²⁾. Тамъ же мы на-

¹⁾ Karl Kautsky. Thomas More und seine Utopie. Stuttgart 1890.

²⁾ Но въ англійскомъ переводѣ Бернета онѣ встрѣчаются уже въ чистомъ видѣ logical schools (эпитетъ первоначальныя—прибавилъ отъ себя г. Тарле). Можетъ быть на этотъ разъ г. Тарле черезъ голову Коте обратился къ его англійскому предшественнику.

ходимъ и многіе другіе курьезы, которыми пестритъ переводъ г. Тарле. Такимъ образомъ англичанинъ Бернетъ въ 1684 г. перевелъ на англійскій языкъ Утопію Мора, допустивъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ; какой-то французъ перевелъ съ англійскаго, добавивъ отъ себя нѣсколько курьезовъ; безграмотный нѣмецъ г. Коте въ 1846 г. перевелъ съ французскаго съ добавленіемъ собственныхъ измышленій, и наконецъ, въ началѣ XX вѣка русскій ученый преподноситъ все это русской публикѣ, считая, однако, нужнымъ кое-что прибавить и отъ себя. Ему одному принадлежитъ смѣшеніе шага съ футомъ и окружности съ площадью, точно такъ же, какъ онъ одинъ позволяетъ себѣ произвольно сокращать Мора. Зато непониманіе философскихъ идей Мора у него общее съ г. Коте.

Въ особенности удивительно, что г. Тарле повторяетъ даже тѣ ошибки, которыя специально отмѣчены Каутскимъ. Между тѣмъ книгу Каутскаго онъ несомнѣнно читалъ. Онъ только не дочиталъ ее до конца. Вотъ что онъ самъ говоритъ о Каутскомъ: „Книжка (Каутскаго) первая дѣлаетъ попытку связать Утопію съ соціальной средой, окружавшей Т. Мора,—и поэтому съ методологической точки зрѣнія стоитъ на гораздо болѣе реальной и научной почвѣ, нежели всѣ перечисленныя біографіи, но самое содержаніе очерка объ экономическомъ, правовомъ и религіозномъ состояніи Англіи намъ кажется не вполне правильнымъ и фактически обоснованнымъ“ (155).

Намъ лично очеркъ Каутскаго кажется тоже не вполне правильнымъ и обоснованнымъ; посмотримъ, однако, какъ г. Тарле обосновываетъ это свое утвержденіе. „Каутскій говоритъ, сообщаетъ онъ, что англійская реформація выросла на почвѣ вражды къ Испаніи, ибо испанцы были соперниками англичанъ, и англичане ихъ ненавидѣли. Онъ ошибается, говоря, что англичане ненавидѣли испанцевъ за морскіе разбои: это была слишкомъ малая причина; они ихъ ненавидѣли, поправляетъ Каутскаго г. Тарле, главнымъ образомъ, какъ конкурентовъ по сѣвернымъ рынкамъ шерсти“. Далѣе слѣдуетъ цитата изъ Каутскаго о ненависти англичанъ къ испанцамъ, объясняющей по мнѣнію Каутскаго успѣхъ англійской реформаціи, и затѣмъ уже заключеніе самого г. Тарле: „Въ результатѣ—англійская реформація. Итакъ, англійская реформація есть продуктъ морскихъ разбоевъ со стороны испанцевъ, нарушавшихъ англійскіе торговые интересы“.

Приведя еще нѣсколько такихъ же глупостей Каутскаго (иначе нельзя назвать утвержденіе, будто морскіе разбои со стороны испанцевъ явились причиной англійской реформаціи), г. Тарле резонно заключаетъ: „Всѣ эти словесныя элукубраціи похожи прямо на карикатуру, и намъ остается пожалѣть о неудобствѣ и невозможности дословно выписать 249—251 стр. книжки Каутскаго“ (159).

Намъ тоже остается пожалѣть объ этомъ, ибо на указанныхъ 249—251 страницахъ, какъ, впрочемъ, и во всей книгѣ Каутскаго, нѣтъ ничего подобнаго тому, что ему приписываетъ г. Тарле. Каутскій объясняетъ реформацію, произведенную Генрихомъ VIII, двумя мотивами: политическимъ (пораженіе Генриха VIII въ столкновеніи съ Испаніей) и экономическимъ (растущей денежной нуждой, заставившей его прибѣгнуть къ конфискаціи духовныхъ имуществъ). Мотивы эти, по мнѣнію Каутскаго, были совершенно чужды англійскому народу, и потому реформація Генриха VIII была непопулярна. Но прошло нѣсколько десятилѣтій,—и тутъ-то мы встрѣчаемся съ морскими разбоями, но только не съ тѣми, о которыхъ говоритъ г. Тарле. По мнѣнію Каутскаго, „въ той мѣрѣ, въ какой Англія выступала на первый планъ, какъ торговое государство, въ той мѣрѣ ея интересы дѣлались враждебнѣе интересамъ Испаніи... Почти вездѣ, гдѣ англійская торговля искала прища для своего развитія, она встрѣчала препятствія со стороны Испаніи. Англійская торговля окрѣпла въ постоянной борьбѣ съ торговлей Испаніи, съ которой она даже во время мира вела постоянную гвельдьяскую войну; она усилилась благодаря систематическимъ морскимъ разбоямъ. Отъ береговъ Пиренейскаго полуострова до Сѣвернаго моря постоянно шныряли англійскіе каперы, подстерегая испанскіе корабли съ серебромъ, ѣхавшіе изъ Америки, и богатыхъ торговцевъ, везшихъ сокровища Индіи изъ Лиссабона въ Антверпенъ. Рядомъ съ торговлей невольниками, морскіе разбои были одной изъ основъ процвѣтанія англійской торговли; и то и другое поощрялось официально“, и вызывало суровыя репрессіи со стороны испанцевъ. „Изъ этого антагонизма выросъ популярный протестантизмъ Елизаветы; только тогда реформація сдѣлалась національнымъ дѣломъ“ (Каутскій, стр. 251).

Вѣрна или не вѣрна мысль Каутскаго,—это въ настоящую минуту для насъ не важно, но во всякомъ случаѣ въ передачѣ г. Тарле она грубо искажена; морскіе разбои оказываются не главною, тѣмъ болѣе не единственною причиною ненависти между англичанами и испанцами, какъ это передаетъ г. Тарле, а только однимъ изъ многихъ проявленій англо-испанскаго антагонизма; и притомъ морскіе разбои не со стороны испанцевъ, а со стороны англичанъ. Объ испанскихъ морскихъ разбояхъ Каутскій ни разу не упоминаетъ на всемъ протяженіи своей книги и не приписываетъ имъ никакой роли въ исторіи англійской реформаціи. Эта послѣдняя выросла первоначально, по мнѣнію Каутскаго, вовсе не на почвѣ англо-испанскаго торговаго антагонизма. Торговый антагонизмъ имѣлъ вліяніе только на торжество протестантизма при королевѣ Елизаветѣ черезъ много десятилѣтій

послѣ смерти Генриха VIII, главнаго виновника англійской реформациі ¹⁾).

Въ приведенной выше тирадѣ г. Тарле поправляетъ Каутскаго, указывая ему, что ненависть между Испаніей и Англіей развилась на почвѣ конкуренціи „по сѣвернымъ рынкамъ шерсти“. Поправка очень существенная. Мы видѣли, однако, что Каутскій объясняетъ ненависть не морскими разбоями, а торговымъ соперничествомъ вообще, въ которое, конечно, входитъ и конкуренція торговцевъ шерстью. Но онъ говоритъ также и специально о ней, прямо указывая, что Испанія и Англія, будучи въ XVI вѣкѣ единственными странами, экспортировавшими шерсть, конкурировали другъ съ другомъ на Нидерландскомъ рынкѣ (Каутскій, 166 и 223—225). Такимъ образомъ, одна изъ основныхъ идей книги г. Тарле

¹⁾ Г. Тарле не ограничивается однимъ этимъ обвиненіемъ Каутскаго. Нѣсколько страницъ его книги заняты полемикой съ Каутскимъ, и эти страницы отъ начала до конца наполнены изложеніемъ мнѣній Каутскаго или указаніями на него, отличающимися такою же точностью, какъ и вышеприведенное мѣсто. Такъ, напр., на стр. 155 г. Тарле говоритъ: „Почти полное отсутствіе (у Каутскаго) ссылокъ вообще, кромѣ одной ссылки на Маркса, 1-й на Луи Блана, 1-й на Монтескье, 1-й на Рота, 1-й на Рабле, 1-й на Л. Гейгера—о „Ренессансѣ и гуманизмѣ“, двухъ на Маурера и очень немногихъ другихъ, полное отсутствіе указаній на источники или литературу по экономической исторіи Англіи того времени,—не даетъ возможности читателю узнать, откуда Каутскій почерпнулъ такое полное убѣжденіе въ правдивости излагаемыхъ имъ взглядовъ“. Можно подумать, съ какою тщательностью приступаетъ г. Тарле къ критикѣ Каутскаго! Онъ сосчиталъ даже его цитаты! Это пожалуй и лишнее, но если ужъ считать, то считать добросовѣстно: мы находимъ въ книгѣ Каутскаго пять ссылокъ на Маркса (на стр. 34, 162, 237, 275, на первой изъ нихъ двѣ), три на Рабле (194, 209, 333), и болѣе 30 на разныхъ другихъ писателей (помимо указанныхъ г. Тарле), изслѣдующихъ именно экономическую исторію Англіи или говорящихъ о ней (въ томъ числѣ 7 ссылокъ на Роджерса на стр. 71, 160, 165, 201, 226, 248, 294), не считая уже ссылокъ на біографовъ Мора и на его собственныя сочиненія. Конечно, нѣсколько десятковъ ссылокъ—не много для книги въ 340 стр., хотя бы и популярной, но все-таки мы не видимъ надобности говорить объ одной ссылкѣ на Маркса, когда ихъ 5, объ 1-й на Рабле, когда ихъ 3, и „полномъ отсутствіи указаній на литературу“, когда такихъ указаній болѣе 30.

Укажемъ еще на одно мѣсто. „Откуда Каутскій взялъ, напр., что торговля сношенія между націями создаютъ національный языкъ?“ спрашиваетъ г. Тарле (155) и приводитъ длинную цитату на нѣмецкомъ языкѣ изъ книги Каутскаго. Цитата эта не вѣрна; въ ней г. Тарле выкинулъ, не отмѣтивъ точками (какъ это принято въ подобныхъ случаяхъ), цѣлыя двѣ строки, чѣмъ придалъ цитатѣ характеръ бессмыслицы; въ выкинутыхъ двухъ строчкахъ Каутскій объясняетъ, что усиливающіяся торговля сношенія даютъ возможность языку большихъ городовъ вытѣснять мѣстные крестьянскіе діалекты и дѣлаться письменнымъ языкомъ, а вслѣдствіе этого и языкомъ націй.

или, по крайней мѣрѣ, экономической ея части (она развивается на стр. 91—92), оказывается вовсе не новой. Конечно, она не составляетъ также открытія и Каутскаго, такъ какъ давнымъ давно извѣстна въ литературѣ, но не зачѣмъ было выдвигать ее противъ Каутскаго.

Склонностью открывать давнымъ-давно открытую Америку отличается г. Тарле не только въ экономическомъ отдѣлѣ. Характеризуя міросозерцаніе Мора, онъ очень дорожитъ своимъ открытіемъ, что его „криминалистическія воззрѣнія отличаются широтою и вдумчивостью, первыми по времени въ исторіи европейской культуры“, такъ что даже дѣлаетъ изъ этого особенный тезисъ, напечатанный въ „Положеніяхъ къ диссертации Е. В. Тарле“. Указавъ на оцѣнку смертной казни, сдѣланную Моромъ, г. Тарле заключаетъ: „Если бы Т. Моръ (несмотря на частое упоминаніе его имени по разнымъ поводамъ и всегда почти по наслышкѣ) не былъ такъ глубоко забытъ, слова приведенной тирады, а вовсе не выдержки изъ Беккаріи, начинали бы собою исторіографію борьбы противъ смертной казни“ (123).

Если бы г. Тарле потрудился заглянуть въ какой-нибудь учебникъ Уголовнаго права или хотя бы въ статью о смертной казни въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, то онъ нашелъ бы, что борьба противъ смертной казни начинается вовсе не съ Беккаріа, но и не съ Мора, а гораздо ранѣе: съ Августина и Тертулліана, и это вовсе не составляетъ тайны для ея историковъ. И Томасъ Моръ въ этой исторіографіи вовсе не забытъ. Вотъ что, напр., говоритъ о немъ Кистяковскій: „Въ началѣ XVI ст. англичанинъ Томасъ Морусъ высказалъ нѣсколько чрезвычайно здравыхъ мыслей относительно мѣры наказанія... Аргументація его... противъ жестокихъ казней за воровство, противъ бесполезности казней, если причины, производящія преступленія, остаются нетронутыми, столь мѣтка и непобѣдима, что спустя почти 2½ вѣка Беккаріа ничего лучшаго не могъ сказать по этому предмету, какъ повторить его доводы... Какъ ни кратко то, что говоритъ Морусъ по вопросамъ уголовного права, тѣмъ не менѣе высказанное имъ носитъ на себѣ черты необыкновенной правдивости и основательности, въ особенности касательно смягченія наказаній“ ¹⁾.

Весь отдѣлъ, въ которомъ г. Тарле говоритъ о криминалистическихъ воззрѣніяхъ Т. Мора, не представляя изъ себя безусловно ничего новаго, обнаруживаетъ весьма смутное знакомство съ литературой уголовного права. Такъ, сравнивая Мора съ Бенхамомъ, онъ приписываетъ послѣднему мнѣніе, что „смертную казнь все-таки слѣ-

¹⁾ Кистяковскій. Учебникъ Уголовнаго Права. 2-е изданіе, Кіевъ. 1882, стр. 74—75.

дуетъ оставить за убійство съ отягчающими вину обстоятельствами“ (121). Въ томъ самомъ мѣстѣ Бентама, на которое ссылается г. Тарле, этотъ писатель, приведя рядъ аргументовъ противъ смертной казни, заключаетъ его словами: „Если бы, несмотря на эти соображенія, которыя мнѣ кажутся убѣдительными, пожелали бы сохранить смертную казнь in terrorem, то слѣдовало бы, чтобы это было единственно для преступленій“ самыхъ тяжкихъ, т.-е. убійства съ отягчающими вину обстоятельствами¹⁾. Другими словами Бентамъ вовсе не желаетъ сохраненія смертной казни для этихъ случаевъ, а въ виду трудности убѣдить правительство сразу и безусловно отказаться отъ этого вида наказаній, соглашается на него, какъ на компромиссъ. Въ общемъ самъ Бентамъ былъ несомнѣннымъ противникомъ смертной казни, гораздо болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ Т. Моръ.

Такое же незнакомство съ литературой предмета и съ фактами обнаруживаетъ г. Тарле и въ главѣ объ экономическомъ состояніи Англіи въ эпоху Мора. Нашъ разборъ и такъ уже слишкомъ длиненъ, а потому мы ограничимся весьма немногими примѣрами. Г. Тарле находитъ нужнымъ опредѣлить количество народонаселенія Англіи въ XVI вѣкѣ. Для этого онъ беретъ подсчетъ народонаселенія, произведенный въ 1580-хъ гг., и заявляетъ, что „до него никакихъ подсчетовъ у насъ нѣтъ: онъ обнаружилъ, что въ Англіи живетъ около 5 милл. человѣкъ“ (132). Въ дѣйствительности, однако, историческая статистика народонаселенія ни въ одной странѣ не располагаетъ такими богатыми и достовѣрными данными о народонаселеніи въ средніе вѣка, какъ въ Англіи. Въ наукѣ есть довольно точныя данныя о народонаселеніи для эпохи гораздо болѣе ранней, именно эпохи Вильгельма Завоевателя (въ 1086 г.); оно равнялось тогда приблизительно 1.200.000 душъ. На основаніи палоговыхъ списковъ производится довольно точный расчетъ для 1377 года; тогда народонаселеніе Англіи поднялось приблизительно до 2¹/₂ милл. А въ 1580-хъ гг., о которыхъ только имѣетъ свѣдѣнія г. Тарле, его численность стояла приблизительно на томъ же уровнѣ; цифры же 5 милл., приводимой г. Тарле для этого времени, народонаселеніе Англіи достигло лишь столѣтіемъ позже. Эти расчеты сдѣлалъ знаменитый англійскій историкъ-экономистъ Роджерсъ, и его же мнѣнію держится такой извѣстный статистикъ, какъ Инама Штернеггъ²⁾. Этихъ писателей, повидимому, г. Тарле въ сущности совершенно не знаетъ (хотя объ Роджерсѣ онъ

¹⁾ I. Bentham. Théorie des peines et des récompenses. 3-ème éd. P. 1826, I, 275.

²⁾ Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы. Спб. 1899, стр. 90 и 383. „Народонаселеніе“, статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Изданіе М. И. Водовозовой. М. 1897, стр. 28—30.

все-таки два раза упоминает), иначе ему по меньшей мѣрѣ слѣдовало бы доказать ошибочность расчета Роджерса и болѣшую правильность своего.

Г. Тарле доказываетъ, что экономическія и „соціальныя условія, окружавшія Платона, и соціальныя условія, окружавшія Т. Мора, имѣли не мало между собою общаго, не мало аналогій можно между ними провести безъ малѣйшихъ натяжекъ“ (176—177, курсивъ нашъ). Защищая эту смѣлую мысль, г. Тарле наталкивается на взглядъ извѣстнаго историка-экономиста Бюхера на хозяйственную жизнь всего древняго міра, какъ на строй домашняго хозяйства, взглядъ, не допускающій и мысли о подобныхъ аналогіяхъ. Взглядъ этотъ извѣстенъ г. Тарле, повидимому, только изъ популярныхъ брошюръ Бюхера, существующихъ въ русскомъ переводѣ, и потому онъ можетъ смѣло заявлять: „Этотъ взглядъ никакими подтвержденіями не былъ обставленъ, а былъ, такъ сказать, декретированъ его авторомъ въ качествѣ аксіомы, не требующей доказательствъ... Бюхеръ потому не привелъ никакихъ фактовъ въ подтвержденіе своей догадки „аксіомы“, что такихъ фактовъ не существуетъ вовсе... Схема Бюхера не въ состояніи объяснить въ сущности ни одного крупнаго факта классической исторіи“ (176—177). Очевидно, что многочисленныя научныя труды Бюхера по экономической исторіи не извѣстны г. Тарле даже по заглавію.

Такая беззаботность относительно экономической литературы извѣщаетъ насъ отъ обязанности подробно разбирать аналогію г. Тарле между экономическимъ и соціальнымъ строемъ Англіи въ эпоху Мора и Греціи въ эпоху Платона. На шаткомъ основаніи этой аналогіи (проведенной, по мнѣнію г. Тарле „безъ малѣйшихъ натяжекъ“), а также на совершенно невѣрномъ пониманіи соотвѣствующихъ мѣстъ Утопіи (о чемъ рѣчь была выше), построена аналогія между воззрѣніями Мора и Платона. Г. Тарле тщится доказать (стр. 185—186), что Моръ въ своей моральной философіи былъ платоникомъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ эпикурейцемъ¹⁾. Тарле не сдѣ-

¹⁾ Г. Тарле доказываетъ, что „взглядъ Т. Мора на счастье всѣхъ гражданъ, которое, по его мнѣнію, совершенно неразлучно съ справедливостью“, совпадаетъ со взглядомъ Платона (185). Въ дѣйствительности же утопійцы (выражающіе очевидно взглядъ самого автора) въ спорѣ о томъ, въ чемъ заключается счастье—въ удовольствіи или въ добродѣтели, становятся на сторону удовольствія (Утопія, стр. 69 по изданію Михельса, 77 по переводу Тарле) и этимъ признаютъ свой эпикуреизмъ. См. Целлера *Vorträge und Abhandlungen*, стр. 86 („sein ethisches Princip ist eher epikureisch, als platonisch“), также Циглера въ предисловіи къ Утопіи (стр. XXIV). Собственно социалистическія идеи Мора совершенно чужды Платону и являются порожденіемъ новаго времени. Платонъ, признающій свободу отъ труда вопновъ и фи-

лалъ бы этой ошибки, если бы былъ знакомъ, хотя немного, съ той литературой, которая говоритъ объ отношеніи между Платономъ и Моромъ. Между тѣмъ, по мнѣнію г. Тарле, онъ первый серьезно заинтересовался этимъ вопросомъ. „Не говоря уже о Роперѣ, Гарпсфильдѣ“ и другихъ прежнихъ писателяхъ, „у которыхъ вообще литературная дѣятельность Т. Мора остается въ тѣни, но и новѣйшіе изслѣдователи предмета до странности мало интересовались крупнѣйшимъ произведеніемъ Мора и въ частности его источниками. Тѣмъ не менѣе, о Платонѣ хотъ упоминается кое-гдѣ (впрочемъ, какъ увидимъ, очень рѣдко, и то только упоминается, не болѣе)“ (152). Нѣсколькими страницами ниже г. Тарле, забывая о только-что сказанномъ, сообщаетъ, что все же г-жа Лина Бегеръ написала особый рефератъ по вопросу о томъ, насколько Т. Моръ подражалъ Платону, интересуясь „этимъ вопросомъ въ чисто филологическомъ отношеніи“; но самъ г. Тарле смотритъ на него гораздо шире, видя въ немъ не одно только филологическое значеніе: „отъ разработки подобныхъ вопросовъ можно ожидать освѣщенія нѣкоторыхъ аналогій, которыми по всей справедливости такъ дорожитъ экономическая исторіографія, и выясненія кое-какихъ небезынтересныхъ пунктовъ въ эволюціи литературныхъ формъ“ (166). Въ дѣйствительности, однако, г-жа Лина Бегеръ написала не рефератъ, а цѣлую докторскую диссертацию, размѣромъ болѣе сотни очень убористыхъ страницъ, (т.-е. лишь немногимъ меньше, чѣмъ вся диссертация г. Тарле), посвященную вопросу о вліяніи Платона на Мора и о сходствѣ и различіи въ ихъ міросозерцаніяхъ, т.-е. какъ разъ тому вопросу, о которомъ, по мнѣнію г. Тарле, только кое-гдѣ въ литературѣ встрѣчаются мимоходныя упоминанія; притомъ г-жа Бегеръ интересуется имъ вовсе не въ чисто филологическомъ отношеніи въ томъ узкомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ его употребляетъ г. Тарле ¹⁾. Точно также Целлеръ, упоминающій по мнѣнію г. Тарле о Т. Морѣ только одинъ разъ „въ пяти строчкахъ“ (стр. 167, курсивъ г. Тарле), въ дѣйствительности

лософовъ, есть чистѣйшій древне-аѳинскій аристократъ, тогда какъ Моръ, признающій всеобщее равенство и всеобщую обязанность труда, — послѣдовательный демократъ новаго времени. Эту мысль хорошо развиваетъ Циглеръ въ предисловіи къ своему изданію Утопіи (стр. XXIX), но она осталась непонятою г. Тарле, видящимъ сходство между воззрѣніями двухъ мыслителей. Впрочемъ, весь отдѣлъ его книги о сходствѣ между социальными идеями Платона и Мора представляетъ такую путаницу, что въ ней трудно добратся до основныхъ мыслей автора (стр. 174—88).

¹⁾ D-r Lina Beger. Thomas Morus und Plato. Ein Beitrag zur Geschichte des Humanismus (Zeitschrift für d. gesammte Staatswissenschaft. B. XXXV. Tübingen, 1879).

посвящаетъ ему четыре страницы ¹⁾, на которыхъ онъ говоритъ о различіи между Платономъ и новѣйшими государственными романами, „начиная съ Утопіи Т. Мора и вплоть до Икаріи Кабе“. Цѣлую главу въ своей „Исторіи философіи“ посвятилъ Мору также Риттеръ, и въ этой главѣ онъ какъ разъ ставитъ вопросъ о вліяніи Платона на Мора ²⁾.

Не вѣрна у г. Тарле характеристика дѣятельности Мора въ послѣдніе годы его жизни, когда Моръ будто бы казнилъ еретиковъ. Для этого утвержденія г. Тарле кажутся достаточно доказательными одно показаніе Голля, даже не современное Т. Мору (1550), и нѣсколько фразъ самого Мора, свидѣтельствующихъ объ его антипатіи къ протестантамъ, и онъ даже не упоминаетъ о томъ, что самъ Моръ въ своей Апологіи категорически отрицалъ справедливость обвиненія; между тѣмъ, личную правдивость Мора г. Тарле (совершенно основательно) и не думалъ заподозривать: „лгать Т. Моръ не лгалъ бы... вслѣдствіе правдивости своей натуры“, говоритъ онъ (216). Косвеннымъ свидѣтелемъ противъ г. Тарле является Гарпсфильдъ, рукопись котораго о Морѣ г. Тарле печатаетъ въ концѣ диссертациі. „Сэръ Томасъ Моръ, говоритъ Р. Гарпсфильдъ, былъ наиболѣе значительный и сильный боецъ противъ этихъ зачумленныхъ и зараженныхъ ядомъ еретиковъ, и самымъ королевскимъ образомъ онъ побѣждалъ ихъ въ своихъ благородныхъ книгахъ“, — и только; о преслѣдованіяхъ казнями ни слова. Рукописью Гарпсфильда (въ общемъ приведенной безъ надобности и служащей лишь для доказательства, что г. Тарле работалъ по ненапечатаннымъ источникамъ), г. Тарле пользуется всего одинъ разъ для совершенно пустого замѣчанія; онъ оставляетъ безъ вниманія это указаніе „объ отношеніяхъ Мора къ еретикамъ“, которое онъ самъ, однако, называетъ „чрезвычайно интереснымъ“ (приложеніе, стр. 126). Если допустить, однако, что свидѣтельство Гарпсфильда не полно, свидѣтельство Эразма Роттердамскаго основано на незнаніи фактовъ, а собственное свидѣтельство Т. Мора ложно; то г. Тарле, по меньшей мѣрѣ, долженъ былъ бы отмѣтить это странное противорѣчіе и какъ-нибудь его объяснить. Объ Эразмѣ онъ, впрочемъ, упоминаетъ, говоря: „начиная съ Эразма... многіе пытались оправдать Т. Мора въ нетерпимости; трудъ и излишній, и невозможный“ (216). Слово „оправдать“ нѣсколько двусмысленно. Читатель естественно

¹⁾ E. Zeller. Vorträge und Abhandlungen. Lpzg 1875. Статья: Der platonische Staat in seiner Bedeutung für die Folgezeit, стр. 85—88.

²⁾ Ritter. „Geschichte der Philosophie“. Hamburg 1850, т. IX, стр. 253—266. Риттеръ нѣсколько преувеличиваетъ вліяніе Платона на Мора, но г. Тарле такъ же плохо знаетъ писателей, которыхъ онъ могъ бы зачислить себѣ въ союзники, какъ и безусловныхъ противниковъ.

подумаетъ, что Эразмъ оправдываетъ нетерпимость Мора ссылками на условія времени, среды и т. п., тогда какъ въ дѣйствительности Эразмъ прямо и категорически отрицалъ справедливость тѣхъ фактовъ, на которыхъ г. Тарле строитъ свои выводы.

Совершенно невѣрно утвержденіе г. Тарле, что „кромя нѣсколькихъ анекдотовъ о справедливости Т. Мора при разборѣ судебныхъ дѣлъ, въ памяти потомства не осталось ничего такого, что обнаруживало бы хотя какое-нибудь впечатлѣніе, произведенное его управленіемъ на современниковъ“ (211). Если бы г. Тарле внимательно прочелъ предисловіе Циглера къ тому изданію Утопіи, съ котораго онъ, по его словамъ, переводилъ этотъ памятникъ, и обратилъ бы въ немъ вниманіе на стр. XV, то онъ зналъ бы ошибочность этого своего мнѣнія. Вообще мнѣнія г. Тарле не основаны на серьезномъ изученіи. Тамъ, гдѣ онъ высказываетъ мнѣнія вѣрныя (напр., что Моръ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи борьбы противъ смертной казни), тамъ онъ повторяетъ, не знаемъ — сознательно или безсознательно — то, что хорошо извѣстно всякому, сколько нибудь интересовавшемуся предметомъ. Тамъ, гдѣ онъ высказываетъ свои собственныя мысли, онѣ оказываются совершенно непродуманными и необоснованными. Ни одной новой черточки къ характеристикѣ Утопіи или ея автора г. Тарле не прибавилъ.

Читателю можетъ показаться, что мы напрасно такъ долго занимали его разборомъ совершенно неосновательной книги. Не достаточно ли было бы указать на невѣжество, обнаруженное г. Тарле въ его переводѣ? Человѣкъ, такъ понимающій писателя, о которомъ онъ пишетъ изслѣдованіе, или лучше сказать такъ его не понимающій, незнакомый въ достаточной степени съ языкомъ изслѣдуемаго имъ произведенія и пользующійся завѣдомо безграмотнымъ переводомъ, человѣкъ, не знающій исторіи той эпохи, за которую онъ берется, не знающій литературы предмета, не удосужившійся даже прочесть внимательно очень цѣнное предисловіе Циглера къ переводимому имъ памятнику и не менѣе цѣнное изслѣдованіе о немъ Каутскаго, и все это свое незнаніе ярко обнаруживающій въ своемъ переводѣ, не можетъ написать ничего сколько-нибудь цѣннаго. Такъ казалось и намъ. Однако, г. Тарле — писатель, который пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность многочисленными статьями въ журналахъ; книга его о Т. Морѣ отличается однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ: она написана легко, живо, съ внѣшней стороны интересно, и читатель, не знакомый съ вопросомъ и не считающій нужнымъ проверять сообщаемые авторомъ факты, выносить изъ чтенія книги убѣжденіе, что онъ узналъ что-то новое для себя и интересное. Вѣроятно, этимъ поверхностнымъ впечатлѣніемъ объясняется появленіе въ печати нѣ-

сколькихъ хвалебныхъ отзывовъ о книгѣ г. Тарле. Но этого мало. Книга пріобрѣла значеніе общественнаго событія, благодаря тому, что г. Тарле представилъ ее какъ диссертацию и защитилъ ее на публичномъ диспутѣ въ университетѣ Св. Владиміра. Весьма многіе изъ приведенныхъ выше указаній были сдѣланы оппонентами; были сдѣланы и другія указанія, бросающія такой же неблагоприятный свѣтъ на книгу. Такъ, напр., проф. Трубецкой подвергъ особенно тщательному анализу тотъ отдѣлъ книги г. Тарле, гдѣ онъ характеризуетъ вліяніе Августина на Мора, и доказалъ, что проведенная авторомъ параллель между Августиномъ и Моромъ совершенно несостоятельна и обнаруживаетъ лишь незнакомство автора съ сочиненіями Августина. Г. Тарле ни одного изъ возраженій не опровергъ. Онъ признался въ незнакомствѣ съ лучшими изданіями и переводами Утопіи, со многими весьма важными литературными произведеніями, посвященными его предмету; онъ долженъ былъ признать ошибки своего перевода. Несмотря на все это, Кіевскій историко-филологическій факультетъ большинствомъ 6 голосовъ противъ 3 призналъ г. Тарле заслуживающимъ искомой имъ степени магистра всеобщей исторіи. Мы не знаемъ, какіе мотивы руководили факультетомъ при его странномъ рѣшеніи; но во всякомъ случаѣ оно придаетъ особенный интересъ книгѣ г. Тарле и заставляетъ быть особенно внимательными при ея оцѣнкѣ.

В. Водовозовъ.

